

Раздел II

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ КРЕАТИВНОСТИ

М. А. Ершова, М. Д. Попкова

СИМФОНИЯ НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОГО ТВОРЧЕСТВА

Творчество есть одно из трёх способностей человека, наряду с разумом и свободой нравственного выбора. Эти способности – суть человеческой природы и определяющие характеристики человеческого бытия в мире.

Человеческое сознание существует не только в психических актах, но и есть сознание этих актов, отмечает представитель духовно-академической школы русской философии П. Д. Юркевич. Он отмечает нравственное измерение сознания: человек, в отличие от животного, подвергает свое сознание критике с *позиции должного*. «Даже и тогда, когда человек убеждается, что его желания и происшедшие от них поступки обусловлены необходимыми причинами он не перестает *вменять* себе эти поступки, то осуждает, то одобряет их в своей совести»¹. Онтологическое основание для самокритики с позиции должного и вменения себе своих поступков профессор Юркевич, как и все представители духовно-академической философии, видел в богообразности человека. Человек есть образ Абсолютного бытия и потому не может удовлетвориться существованием в качестве простой вещи материального мира. Но трагизм человеческого бытия заключается в том, что он существует в этом мире именно как вещь, отмечает другой представитель академической философии В. И. Несмелов.

Именно творческая способность оказывается средством преодоления трагического разрыва между сущим и должным, чаемым и реальным. Человек стремится создать *свой* мир, опирающийся на *идеалы* Добра, Истины и Красоты, а не на закон всемирного тяготения. В какой-то мере ему это удастся; ибо человек все-таки живет не в природном, а в культурном мире. Его окружают физические объекты, но

---

¹ Юркевич П. Д. Философские произведения. М., 1990. С. 162.

объекты, творчески преобразованные сообразно с идеалами и имеющие духовное измерение, измерение смысла. Эту преобразовательскую деятельность можно было бы считать успешной, если бы не смерть. И если бы не зло и нестроения этого творчески преобразованного человеком мира: «без меня не можете творить ничего» – сказал Христос, и вся жизнь не «по Богу», а «по человеку» явилась умножением зла и утверждением смерти.

Что же, творчество наше – ошибка, путь в никуда, и вся культура, как результат этого творчества – зло, нарост, нарыв на теле природы? Кризис европейской (христианской!) культуры привёл многих именно к такому мнению.

Да, смерть указывает человеку на его порабощенность законам физического мира. Неудачи культуры провоцируют отказаться от неё, «встать на четвереньки». Однако, сам факт неприятия человеком смерти и зла, нравственного бунта перед ними говорит о неземнородности человека.

Вспомним вновь академистов: В.И. Несмелов, анализируя библейский текст о грехопадении первых людей, замечает, что они отвергли действительность ради иллюзии. Именно это обстоятельство, по мнению профессора, само по себе доказывает, что человек – не случайное порождение земли и не прирожденный раб природы. Животное никогда не создает относительно себя никаких иллюзий и не отрицает существующей действительности, даже страдание и боль для животного – есть утверждение действительности, в то время как у человека они вызывают чувство протеста, как «не должны»¹. То есть человеку открыт некий горизонт бытия совсем иного порядка, и именно наличие этого горизонта заставляет человека быть творцом – то есть выходить за собственные пределы и за пределы наличной действительности. Создавать новую реальность и себя нового. Значит, сутью нашего бытия является творчество – творение из самого себя Человека. А быть человеком – это быть образом и подобием Божиим. Павел Флоренский считает, что «феургия» (в более привычной транскрипции – теургия) «искусство Богоделания» есть главная задача человеческого существования, понимаемая «как задача полного претво-

---

¹ См.: Несмелов В.И. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения. Казань, 1895.

рения действительности смыслом и полной реализации в действительности смысла».¹ И задача эта реализуется на путях нравственно-религиозного творчества.

В.И. Несмелов пишет: «Идея Бога оказывается... живым сознанием человека о действительном Безусловном бытии... Из этих живых сознаний и возникает живое тяготение человека... к божественному, и из этого именно тяготения возникает... естественная религия и мораль»².

Сущность морали другой представитель академической философии М.М. Тареев видит в творческой деятельности, направленной на самосохранение и свободу человека в обществе. Представляется важным подчеркнуть отмеченную Тареевым творческую природу морали и нравственности, которая для современного сознания совсем не очевидна, поскольку со времён романтизма нормой творчества стало существование по ту сторону добра и зла – то есть принципиальный аморализм. Тогда как изначальное нравственное чувство, которое и есть основа морали, возникает как усилие творческого роста от себя «сущего» к себе «должному».

Пути этого роста даёт религия. Религия есть отношение человека к Абсолюту. Нравственность же есть отношение человека к человеку, человека к обществу. И только в свете Абсолюта отношения эти будут носить характер творческого роста. Нравственное для полноты своей реализации в жизни индивида и общества требует религии. Такова позиция академистов. При этом они утверждают, что нравственность и религиозность – самостоятельные явления человеческой жизни. Религия, по мнению М.М. Тареева, возникает раньше нравственности, но не религия порождает нравственность. В самом своем существе эти формы духовной культуры содержат основание для тесного взаимодействия, так как направлены на самосохранение и творческое возрастание человеческого духа (религия – в мировом целом, нравственность – в обществе).

Первобытный человек имел непосредственное богообщение, а творчество носило коллективный характер, считает Тареев. Поэтому

---

¹ *Флоренский П.* Из богословского наследия // Богословские труды. 17. М., 1977. С.105.

² *Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т.1. СПб, 2000. С.392.

религиозное вдохновение достигалось не уединением, а общением. Эта ступень развития человека сменяется другой ступенью, на которой религия всякого народа обретает *лично-творческий*, разумно-свободный характер. Эта религия внешне универсальна, а внутренне абсолютна. Человек открывает свою богообразность, какое-то «родство» с Богом, при этом в разных культурах акцент делается на различных аспектах этой богообразности. Разум развивается и не сразу предстает в своем автономном самопонимании, тем не менее «нарождение сыновей свободы – это величайший момент в религиозном развитии, это начало новой наивысшей религии»¹. Такой наивысшей религией является, по мнению Тареева, христианство.

Именно на этапе достижения человеком этического самосознания творчество религиозное и нравственное становятся *единым творческим процессом*. С этого момента разделение религии и нравственности неизбежно уводит религиозное развитие по ложному пути. «Истинное направление религии, ее развитие, при котором она бывает живою силою, состоит в движении от внешней покорности Абсолютному, к внутренней абсолютности духа. В нравственности человек уже достигает абсолютности, в форме автономии, доходит до ступени свободной духовной жизни, – свободной в отношении к обществу. Хотя это не есть абсолютность религиозная, не есть свобода богосыновства, но, все же, это есть родственная религии духовная свобода, на которую религия естественно опирается, принимая этический облик»².

М.М. Тареев выделяет два нравственно-религиозных типа. Первый характеризуется преобладанием человеческого, второй – божественного. Каждый из этих типов в свою очередь представлен двумя видами, которые стоит рассмотреть подробнее.

Первый вид первого нравственно-религиозного типа представляет собой такой стиль жизни индивида, когда религия становится средством достижения земных целей человека. При этом такой индивид очень ценит религию как средство, действующее даже в тех случаях, когда остальные средства оказываются бессильными. Такого че-

---

¹ Тареев М.М. Христианская свобода. Сергиев Посад: Типография Св.-Троиц. Сергиевой Лавры, 1908. С.55.

² Там же. С.77.

ловека мы не можем назвать обманщиком в том смысле, что он не верит в Бога и спекулирует на вере других. Напротив, такой человек верит, именно поэтому и пользуется религией как средством. Дело в том, что он живет так, как будто земная жизнь вечная. Все его помыслы направлены на достижение и сохранение материального и социального благополучия. Он молится, но молится о конкретных своих житейских нуждах. Молитва для него не общение с Богом – Личностью, а своеобразная купля земных благ за молитвословия, милостыню, посты и т.д. Такой тип религиозности, безусловно, связан с потребой творческого начала религиозной жизни. Впрочем, не только религиозной, но жизни вообще. Прагматизм как антитеза творчеству – одна из основных проблем европейской культуры XIX-XX веков, принявшая вид открытого противостояния романтиков и неоромантиков с миром, построенным на принципе пользы и соображениях выгоды.

Второй вид *первого* нравственно-религиозного типа выглядит совсем иначе. Такой индивид, казалось бы, не имеет никаких интересов помимо религии, но в религию он приносит все свои страсти и, если можно так выразиться, «прописывает их в религии». Это образ великого инквизитора из романа Достоевского. Такой человек живет, утверждая мысль о том, что Бог далеко и Он бессилен. Здесь на земле Божье дело совершается человеческими силами, а коль скоро «мир во зле лежит», то вполне оправдано использование всех средств без разбора для достижения целей, поставленных индивидом. Созидание «божьего царства» без Бога, творчество одинокого, Богом оставленного (а точнее оставившего Бога) человека ведёт ко злу. Подтверждением тому служат мрачные страницы человеческой истории.

Первый вид *второго* нравственно-религиозного типа характеризуется подавлением всего человеческого в индивиде – этакое манихейство. Земная условность и ограниченность рассматриваются как зло, тело как темница души. В область божественного, согласно такому подходу, можно перейти, только оставив все человеческое. Отсюда стремление подавить всякие проявления эмоциональности, чувств, переходящее в крайний аскетизм, самоумерщвление. Этот тип религиозного опыта тоже нельзя назвать творческим, ведь творчество – *созидательный* процесс, а здесь идёт разрушение человека как *уникального духовно-душевно-телесного единства*, то есть саморазруше-

ние человека. Отрицание человеческого ради утверждением божественного противоречит самому *духу христианства*, как религии человеколюбия, религии спасения. Аскетизм в христианстве – только средство, некое духовное упражнение (это, кстати, буквальный перевод греческого слова «аскесис»), но когда средство подменяет собою цель, то самая цель утрачивается.

И, наконец, второй вид *второго* нравственно-религиозного типа представляется *единственно правильным*. «Эта жизнь представляет собой внутреннее и свободное проникновение божественного начала в границы и формы человеческого существования, согласное сочетание небесного и человеческого, реализацию божественной воли в условиях и законах человеческого существования, действительное служение человеческой жизни божественному содержанию»¹. Это служение, как отмечает М. Тареев, не может совершаться без молитвы, без благодатной помощи Церкви и без аскетического подвига. Именно на этом пути осуществляется подлинно творческий рост личности, когда человек, оставаясь собою, преображается в нечто большее себя, «возрастает в полную меру человека», – как говорит об этом творческом росте в своих проповедях митрополит Антоний Сурожский. И это путь действительно творческий, поскольку здесь нет *шаблонов*, нет готовых сценариев. «Люби Бога и делай, что хочешь», – по слову Блаженного Августина. Есть общий закон любви, но как сделать, чтобы он стал законом твоего сердца, и как любовь к Богу и ближнему осуществить в своей жизни – это и есть *творческая задача* для каждого человека. «Мы должны относиться к себе, как художник относится к материалу: принимать в учёт все свойства этого материала и на основании этого решать, что можно сделать... человек, не отвергая в себе ничего, трезво, смиренно принимая себя, какой он есть, должен одновременно иметь высокое представление о Человеке, о том, чем он должен стать»². И *симфония* нравственно-религиозного творчества является тем *высшим родом искусства*, который призван освоить каждый, осуществляя замысел Божий о Человеке.

---

¹ Тареев М.М. Христианская свобода. С.15-16.

² Антоний Сурожский, митр. «Человек перед Богом», Паломник, М., 2001. С.38.